

В ЗАСТЕНКАХ МАУТХАУЗЕНА

В. МАЧУЛЬСКИЙ

В ОРШЕ

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 17 лет. Жили мы в то время в г. Орше, в своем домике. В один из налетов фашистской авиации нашего домика не стало - сгорел, а вскоре в Оршу пожаловали непрошенные гости.

Уже в первый день немецкой оккупации по городу разнеслось: "Немцы забирают всех здоровых, молодых ребят и отправляют в Германию..."

На улицах родного города стало тихо и пустынно. Лишь изредка доносилась лающая речь немецких патрулей да автоматные очереди. Добрались немцы и до нас, на окраине. Жили мы в то время в погребе. Один из немцев поддел штыком крышку люка и, выставив в подвал черное дуло винтовки, приказал подняться всем наверх. Мой брат успел юркнуть в яму с картофелем, а мы с мамой вылезли наверх. Немец доволен осмотрел меня, пощупал мускулы и пробормотал: "Карош, - подтолкнув штыком в спину, приказал: иди..."

Я как был в одних трусах и майке, так и пошел. На перекрестке нас дожидалась группа таких же, как и я, выловленных подростков. Среди них я узнал своего друга Колю Трещенко. Все они были связаны одной длинной веревкой, к одному концу которой, завернув руки назад, привязали и меня. Неподалеку от комендатуры стоял большой деревянный сарай. Развязав руки, нас втолкнули туда.

"Ну, вот и попали", - невесело усмехнулся Коля Трещенко.

"Зачем это мы им понадобились?" - спросил черный, похожий на цыгана подросток по кличке "Грач".

"В Германию увезут, работать на своих жен заставят. Они воют, а мы за них работать должны", - подытожил кто-то.

Сквозь щели ветхого сарая был виден беспрерывно ходивший вокруг него часовой. Иногда он доставал из-за пазухи губную гармонику и наигрывал бравые марши.

Три дня мы просидели в этом сарае. Никто из немцев к нам не заходил, и казалось, что о нас забыли.

Только раз часовой, открыв двери, вывел троих и заставил вымыть стоявшую неподалеку уборную. Все три дня нам не давали ни пищи, ни воды, а на четвертый день Грач потихоньку оторвал доску, и ночью мы один за другим выбрались из сарая и разбежались по домам.

За дни, проведенные в сарае, я еще больше сдружился с Колей Трещенко. Мне от души понравился этот немногословный, умный паренек. Теперь мы поняли, что от немцев добра ждать нечего. Нужно бороться, чтобы они поскорее убрались восвояси.

Однажды мы услышали, что немцы организовали лагерь для военнопленных. Не откладывая дела в долгий ящик мы с Колей пробрались к нему. Территория лагеря была обнесена колючей проволокой, по углам территории стояли деревянные вышки, где находились часовые. Пробраться незаметно к проволоке не было никакой возможности, и лишь

в одном месте вплотную к проволоке стоял разбитый трехэтажный дом. Его-то мы и решили использовать в своих целях. Правда, цели у нас были невелики: мы узнали, что оккупанты совсем не кормили пленных, и решили хоть немного помогать им пищей.

Несколько раз нам это удавалось. Собрав у жителей вареный картофель, хлеб, мы завязывали все это в узел и затем сбрасывали его со стены разрушенного дома на территорию лагеря, выбрав время, когда отвернется часовой ближайшей вышки.

Однажды часовой заметил нас, и не успели мы спуститься вниз, как перед нами выросли два гитлеровца с автоматами. Нас зверски избили и посадили в комнату на втором этаже кирпичного здания, возле городской комендатуры. Комната была угловая, и ее два небольших окна выходили - одно на улицу, а другое в сад. Один часовой находился во дворе, ходил вокруг дома, а другой - в коридоре.

...С трудом сдерживая слезы, я смотрел на своего друга Колю. Распухшее лицо его было все в кровоподтеках, из рассеченной брови сочилась кровь. У меня нестерпимо болели кисти рук: немец был по ним палкой.

"Надо бежать, - сказал ~~я~~, - иначе нам капут..."

Ночью мы потихоньку, отогнув гвозди, вытащили раму окна, выходившего в сад. Дождавшись пока часовой скроется за углом, выпрыгнули из окна. Я сразу же нырнул в кусты, сзади хлопнул выстрел и раздался крик Коли. Я бежал, не останавливаясь. Видимо, моего друга тяжело ранили.

После я узнал, что Колю расстреляли на другой день вместе с группой евреев.

Через день я подошел к местечку Дубровна, где жили мои дальние родственники. На окраине села меня установил часовой и потребовал документы, а через несколько часов я уже сидел в товарном вагоне с зарешеченными окнами. Поезд, набирая скорость, увозил нас на Запад вместе с тысячами таких же, как я, будущими рабами немецких бауэров.

Я СТАНОВЛЮСЬ "ФРАНЦУЗОМ"

Так я очутился в Германии, во Франкфурте-на-Майне на немецком цементном заводе "Будерос". Уже на другой день меня вместе с группой таких же, как я, рабов погна-ли на погрузку цемента в вагоны.

На цементном заводе работали пленные французы. Едва появились мы на погрузочной площадке, как они сразу же стали искать встреч с нами, пытались заговорить, но никто из нас не знал французского языка. Через несколько дней ко мне подошел один из них и на довольно понятном русском языке спросил: "Русский?"

"Да".

"Много вас привезли?"

"Не знаю..."

Он мне рассказал, что завод "Будерос" производит качественный цемент для строительства военных объектов, работают на нем в основном французы. Есть испанцы, да вот

привезли русских. Кормят плохо, но режим не очень строгий. Если есть деньги, можно купить продуктов через охрану.

Так состоялось мое первое знакомство с французами. Они оказались хорошими, добродушными парнями.

Однажды Кристиан /так звали переводчика/ предложил мне:

"Приходи вечером к нам в барак, расскажешь ребятам о России".

После ужина я вместе с одним из товарищей побрался в барак к французам. Собравшись в кружок, затеяли неторопливый разговор. Их интересовало все: как живут советские рабочие, крестьяне, кто может быть коммунистом много ли их в России. Главным же вопросом был: сможет ли Россия выстоять против Гитлера. Французы просто сетовали на своих предателей, которые продали Францию немецким захватчикам.

"Мы должны быть солидарны, - горячо говорил Кристиан. - Надо вместе бороться".

С этого дня такие встречи у нас уже стали частыми. Теплыми осенними вечерами мы собирались в зоне вместе, пели русские и французские песни, курили вонючие немецкие сигареты и много говорили о Франции и России.

Однажды утром на работу нас повели под усиленным конвоем, днем несколько раз выстраивали и считали. Таких строгостей в нашем лагере еще никогда не было.

Вечером охрана нас снова пересчитала и загнала в барак, а через несколько дней, когда наша колонна поров-

нялась с французами, Кристиан успел шепнуть мне: "Трое наших бежали..."

Теперь стало понятным, почему неистовствуют немцы. Как-то перед обедом меня послали принести трап к вагону. Трап был тяжелым, и я его едва поднял. Ко мне подошел Кристиан и стал помогать. Пока несли трап, он мне посоветовал:

"Тебе нужно бежать во Францию. Мы поможем это сделать. Там ты расскажешь нашим товарищам о России, там ты очень нужен!" Я уже кое-что знал о французах - участниках движения Сопротивления, и тут понял, для чего я им нужен. Они хотели все знать о России. Я же родился и вырос при советском строе и, конечно, мог все рассказать.

Однажды Кристиан поманил меня пальцем, затем показал в вагон: "Лезь..."

Ночью железнодорожный состав выгнали с территории завода, а через сутки поезд остановился во французском городе Лилль.

Выбравшись из вагона, я направился в сторону, противоположную той, откуда пришел поезд, разыскал будку стрелочника и подал ему записку, врученную мне Кристианом. Он молча ткнул меня к будке, поставил на стол термос с кофе и булку, затем закрыл меня на замок и ушел.

На рассвете меня разбудили. В будке горел фонарь, при свете которого я увидел худенького француза в берете, который, подав мне руку, отрекомендовался на русском языке:

"Жан Климо..." "Это был не Жан, Жан помог мне остаться в живых похищенным и нишу его и...

Так я встретился с замечательным французским другом, активным участником движения Сопротивления, который сделал для меня очень много.

Жан Климо в город увез меня на автомашине и поселил в тихой улочке в небольшом домике с хорошим садом. С этого дня мы с Жаном виделись каждый день. Он возил меня по домам французов, где собирались патриоты, и я рассказывал им о Советском Союзе, о его городах, о людях.

Вскоре меня и хозяина дома арестовали. Ночью к домику подошла машина, нас разбудили, вывели во двор и втолкнули в крытый брезентов^Т кузов машины, доотказа набитый арестованными, французами. Там я и узнал, что в Руане был сильный взрыв. Немцы считали его очередной диверсией и решили изолировать всех подозрительных лиц.

В этот раз был арестован и Жан Климо. Нас сначала поместили в лагерь политзаключенных в Компьене, а затем погрузили и повезли на восток.

Ехали мы в одном вагоне с Климо. Я к этому времени стал уже довольно сносно изъясняться по-французски и понял, когда он предупредил товарищей:

"Никто не должен знать, что Вольдемар/так они звали меня/ - русский!"

Так я стал "французом". Решение французских товарищей облегчило мне дальнейшее существование, а может быть и сохранило жизнь.

В один из хмурых декабрьских дней 1942 года наш поезд с решетками на окнах остановился на небольшой станции, на фасаде которой было выведено готической

Вязью: "Маутхаузен".

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Тогда еще мир не знал, каким страшным для человечества будет слово "Маутхаузен". Небольшая австрийская станция, с одной стороны которой протекает годубой Дунай, а с другой вплотную подступили швейцарские Альпы, стала последней остановкой 122 тысяч русских, французов, испанцев, поляков, чехов.

Едва остановился поезд, как он был окружен плотным кольцом вооруженных до зубов сытых, откормленных эсэсовцев и крикнули: "Выходи!"

По четыре человека в ряд мы двинулись по дороге, ведущей в горы. Ослабевшие, голодные люди едва передвигали ноги, преодолевая крутые подъемы. Некоторые не выдерживали, падали, и тогда раздавались выстрелы.

Эсэсовцы попросту добивали отстающих, а затем заставляли подбирать трупы и нести их с собой.

Лагерь расположился на высокогорном плато. Вход в него венчали две огромные башни, от которых расходилась каменная стена, переходившая в изгородь из нескольких рядов колючей проволоки. Вдали виднелись высокие вышки, обвешенные гирляндами прожекторов.

Через эти ворота мы и попали на территорию лагеря. Длинный каменный коридор. С одной стороны его высокая стена забетонированными в нее железными кольцами, с другой - двухэтажное мрачное кирпичное здание. Вот в этот

каменный мешок нас набили столько, что мы могли только стоять, прижавшись вплотную друг к другу.

Раздалась команда снять всю одежду. Несмотря на то, что температура воздуха была около 5 градусов мороза, мы разделись. Началась сортировка. Более слабых эсэсовцы забирали и уводили в одни двери дома, других - пропускали в "парикмахерскую", где несколько заключенных выстригали каждому полосу на голове, ото лба до затылка. Тут же мы оставляли свои вещи, сложенные в бумажный мешок. Деньги и ценности собирал мордатый эсэсовец, он же заставлял каждого открывать рот и осматривал зубы. Тех, у кого имелись золотые зубы или коронки, отправлял в отдельную комнату. Назад они не возвращались. После мы узнали, что у коменданта лагеря был план сдачи золота на оборону рейха.

Утомленные длительным переходом, перемерзшие в результате шестичасового стояния голыми на морозе, мы торопились в баню, надеясь там согреться. Однако вода оказалась холодной. Выходили мы из бани на другую сторону дома, где нам дали полосатую одежду арестантов /хлопчатобумажные куртки и брюки, нижнее белье, шапочку и деревянные башмаки-колодки/, а также прикрепляющиеся на левую руку металлические номера. Мой номер был 28360. В выданной нам одежде мы ходили круглый год.

Разместили нас в длинном приземистом блоке. Под самым потолком скупо бросали свет небольшие окошки. Не было ни нар, ни подстилки. Едва вошли в блок, как раздалась команда: "Ложись!" Мы попадали на пол, тесно прижимаясь

друг к другу. Однако места всем не хватило. Некоторые остались стоять. Блок-фюрер — здоровенный немец, заключенный из уголовников, пошел вдоль блока, раздавая направо и налево зуботычины. Он сваливал остававшихся стоять на нас и старательно ногами утрамбовывал.

"Раз"елись свиньи, — кричал он, — ничего, скоро разместитесь".

Обессиленные, физически и морально, мы кое-как разместились на ночлег. Рядом со мной оказался Жан Климо. Он успокаивающе похлопал по плечу:

"Ничего, держись, Вольдемар! Впереди еще много трудного".

НА РАБОТУ

Уснуть я никак не мог. В мыслях все время вертелись события прошедшего дня. Лежать было тесно и неудобно. Некоторые узники, засыпая, бредили во сне, другие стонали, третьи, измучившись, засыпали сидя. К утру и я забылся тяжелым, беспокойным сном.

На рассвете раздался окрик блок-фюрера:

"Встать! Выходи строиться!"

На плацу дожидалось несколько эсэсовцев.

Когда обитатели блока построились, раздалась снова команда

"Мютцен аф!"

Мы нестройно стянули с себя арестантские шапки.

"Мютцен ауф!"

Узники также медленно натянули шапки на

головы. Эсэсовец с ругательствами пробежал вдоль строя и снова скомандовал:

"Мютцен аб!"

Тех, кто не успевал вовремя снять или надеть шапку, эсэсовцы выводили из строя и избивали. Это у них была своеобразная игра, которой они занимались почти до самого обеда.

В этот день мы простояли в строю около 10 часов. За это время больше половины узников оказались избитыми, а семерых человек, которые после побоев не смогли подняться на ноги, немцы погрузили на телегу и увезли. Больше мы их не видали.

В течение недели эсэсовцы каждый день устраивали узников и методически избивали, отсеивая более слабых, которых увозили в крематорий.

В первый день нам дали обед уже к вечеру, который состоял из щината и остатков эсэсовской кухни. Вечером на ужин мы получили 200 граммов ячменного хлеба и стакан эрзац-кофе.

Вскоре нас повели на работу. Одни пошли на строительство блоков, другие на добычу камня в карьер.

Нашу сотню под охраной эсэсовцев с собаками привели в огромный каменный карьер. Работу распределили так: одни должны были ломами и кирками отламывать куски камня, другие доставлять его к строящемуся в полукилометре блоку.

Образовав замкнутое кольцо, узники непрерывной лентой тянулись от карьера к блоку и обратно. Изнуренные, голодные люди напрягали все свои силы, чтобы

донести носилки с тяжелым грузом. Стоило только кому-либо споткнуться, как сразу же следовал выстрел в спину. Старший охраны даже не стрелял. Он брал лом и кирку и разбивал голову ослабевшему узнику.

В первый день из карьера мы принесли 12 трупов. Складывали их возле огромного подвала мертвецкой. Оттуда они поступали в крематорий.

День и ночь дымились печи Маутхаузена, распрос-траняя едкий сладковатый дым.

Однажды в карьере я не удержал тяжелый камень и упал с ним на носилки. Когда поднялся, меня ударил дубинкой подошедший немец. Он промахнулся, не попал по голове. Удар пришелся по плечу, и это меня спасло. Я с трудом устоял на ногах и, преодолевая боль, продолжал работать. Товарищи привели меня в барак.

В тот же день вечером Жан Климо подошел ко мне взволнованный:

"Вальдемар, выйди на улицу, в соседнем блоке твои друзья, русские..."

Я с трудом поднялся и вышел. Рядом за колючей проволокой находился 16-й блок. У изгороди стояло несколько узников. Один из них - небольшого роста, коренастый, - окликнул:

"Кто среди вас русский?" - я показал рукой на себя, не решаясь подать голоса. Тогда он сказал: "Не бойся, подойди ближе к зоне". Я подошел. Он назвался Копейкиным. Меня он попросил все рассказать о себе. Я рассказал о своих мытарствах, о друзьях-французах, о том, как попал

в Маутхаузен. Рассказал и о том, как в этот день едва не угодил в крематорий.

"Да, это плохо. Надо что-то придумать, - задумчиво произнес Копейкин. - Ну, ладно, глядишь, еще свидемся. Какой твой номер?". Я назвал. Попрощавшись, он удалился.

В ПРАЧЕЧНОЙ

Как и обычно на другой день мы выстроились на плацу. Перед тем как отправить нас на работу, перед строем вышел лагерный писарь. Он вызвал из строя троих, в том числе и меня.

"Это конец, - мелькнуло в мыслях. - Не убили вчера - убьют сегодня".

Строй узников протянулся мимо нас и исчез за воротами. Мы остались стоять на каменном плацу. Из оцепенения нас вывел резкий голос штубового/комнатного/ Гельмута:

"Коммен зи зихь". Мы пошли к нему. На немецком языке и жестами он объяснил нам, что мы с этого дня будем работать в прачечной, которая размещалась на втором этаже того мрачного здания, через которое мы прошли в первый день нашего пребывания в лагере. Огромные стиральные машины ежедневно пропускали сотни килограммов окровавленного белья.

Нас, вновь прибывших, меня и двух французов, поставили на сушку белья. Отжатое белье мы грузили на повозку и вывозили из дома на специально отведенное место, где вешивали его на веревки. Эта работа показа-

лась мне раем после каменного карьера.

После обеда ко мне подошел высокий, сутуловатый, заросший бородой узник и, взяв за левую руку, посмотрел номер.

"Привет от Копейкина".

Поговорить нам не удалось. Но теперь я понял, кому обязан переводу на постоянную работу в прачечную. После я узнал, что под фамилией Копейкина скрывался один из руководителей лагерного подполья "Иван Михайлович Кондаков", а встретил меня в прачечной его помощник Михаил Шинкаренко. Сейчас они оба живы. Кондаков живет под Ленинградом, а Шинкаренко - в Москве.

Уже много позже я узнал историю моего перевода в прачечную. Кондакову нужен был связной в нашем бараке. Узнав о побоях, какие мне нанесли гитлеровцы, он боялся, что на другой день я не выдержу и меня убьют.. Тогда он обратился за помощью к писарю Вольфгану, передал ему мой номер.

Вольфган - рослый боварец, был политическим заключенным и явно сочувствовал узникам. Администрация лагеря доверяла ему. Впоследствии он был связан с лагерным подпольем, оказывал ему большие услуги, сохранив жизни многим узникам.

В этот день мы были свидетелями зрелища, которое забыть невозможно. Эсэсовцы вывели к стене более двухсот узников. Прежде чем расстрелять, жертв раздевали, а на левую сторону груди вешали белый круг - мишень с черной точкой посередине.

Эсэсовцы тренировались в стрельбе из пистолета по живым мишеням с чисто немецкой аккуратностью, соблюдая расстояние и очередность стрельбы. Если жертва оказывалась недобитой, ее добивали ударом сапога в пах.

РУССЛАГЕРЬ

До строительства Маутхаузена, в нескольких километрах от него, был создан лагерь для русских военнопленных, который они называли русслагерем. Раньше там было несколько бараков, обнесенных колючей проволокой, а затем немцы построили там экспериментальную больницу.

Среди узников о русслагере ходила худая слава. Да, это было и в действительности так. Те, кого немцы переводили в русслагерь, назад не возвращались. Уже позднее стало известно, что в нем умерщвлялось людей вдвое больше, чем в самом Маутхаузене.

В русслагерь брали самых здоровых и самых слабых узников. У здоровых брали кровь, консервировали ее и отправляли на Восточный фронт, а людей умерщвляли. Там же умерщвляли и всех слабых.

Немцы громко именовали русслагерь больницей и, отправляя туда очередную партию ослабевших узников, обещали подлечить. На самом же деле врачи русслагеря производили эксперименты на живых людях: занимались пересадкой кожи, заражали их различными болезнями. Короче говоря, занимались исследованиями на людях, что

по обыкновению делают с животными. Немцы стремились сохранить то, что делалось в русслагере, в глубокой тайне. Поэтому всех, попавших туда, уничтожали.

Из окна прачечной хорошо были видны плац и ворота Маутхаузена. Нередко мы были свидетелями, как гитлеровцы, приковав к стене узников, держали их голодными по 3-4 дня, а затем, обессиленных, отправляли в русслагерь "на лечение".

Однажды из комендантской вытолкнули узника, руки и ноги которого были закованы в цепи. Он шел по плацу, гремя кандалами, окруженный вооруженными эсэсовцами с собаками. Поровнявшись с семнадцатым блоком, он неожиданно запел: "Вот мчится тройка почтовая..."

Эсэсовцы спустили собак, а через 15 минут бросили окровавленный труп на под"ехавшую фуру.

Неизвестный узник погиб как герой, а его песня еще долго звучала в наших ушах и звала к борьбе.

ПАЛАЧ

С заместителем коменданта Маутхаузена обергруппенфюрером СС Бахмайером мы познакомились уже в первые дни. Построив всех на плацу, немцы затеяли обычную игру: "Шалки снять, шалки надеть!" Затем раздалась команда: "Стоять смирно!" и к строю направился высокий эсэсовец в форме офицера. На поводке он вел огромного желтого дога.

"Ложись!"

Мы ничком бросились на каменные плиты

плаца. Бахмайер спустил с поводка собаку, которая обнюхивала каждого в отдельности. Если у кого была небольшая ранка или царапина, почуявший кровь дог хватал и узника за горло, а Бахмайер приканчивал его из пистолета.

В этот день желтый дог Бахмайера отправил в крематорий около 30 узников. В награду зверь получил несколько кусочков сахара.

Выдумки Махмайера превосходили по своей жестокости все, что было в Маутхаузене.

Это он придумал "машину смерти", где голова узника автоматическим ножом отделялась от туловища, а кровь по специальным желобам стекала в бассейн. Это он устраивал "представления": за малейшую оплошность узника ставили на тележку и под звуки духового оркестра везли на виселицу. Это он ежедневно сотни людей отправлял работать на "лестницу смерти", откуда никто не возвращался.

"Лестницу смерти" построили с возникновением лагеря. На склоне горы, примыкавшей к каменному карьере, вырубили в скале 186 ступеньки. Узники должны были брать на носилки камни, поднимать их на самый верх, затем сбрасывать вниз с отвесной скалы. Надсмотрщики заставляли узников носить непосильный груз и, если человек не выдерживал, падал, его сбрасывали со скалы в карьер. "Лестница смерти" была одним из основных поставщиков трупов для печей Маутхаузена.

Бахмайер не брезговал ничем, лишь бы утолить жажду крови. Как кровожадный зверь, врывался он со сво-

ими подручными в блоки, с ее смерть направо и налево.

ПОДПОЛЬЕ

К концу 1943 года я уже мог хорошо изъясняться с французами. Кроме того, со мной всегда рядом был Жан Климо. Однажды мне Шинкаренко посоветовал:

"Среди французов есть хорошие ребята. Пусть Климо создаст у себя сеть троек. Так посоветовал Копейкин," - добавил он.

Я тогда еще не знал, что Копейкин и Кондаков одно и то же лицо, но видел, каким авторитетом он пользуется и как его берегут товарищи. Шинкаренко объяснил, что у Копейкина есть связь со всеми блоками, везде создана сеть троек /три человека знали друг друга и что они состоят в подпольной организации. Про другие тройки они ничего не знали, что в случае провала одной тройки... сохраняло жизнь другим/.

Я знал, что подпольщики потихоньку накапливают оружие и прячут его в различных тайниках на территории лагеря. Было даже несколько ^{2 а ружий} пулеметов. Их доставили по частям в лагерь с завода, отремонтировавшего немецкие самолеты, на котором работали узники-специалисты.

Неподалеку от лагеря стояли небольшие домики, в которых жили офицеры-эсэсовцы. Однажды Кондаков-Копейкин предложил мне:

"Бери носилки, погрузи вон эти свертки, понесем белье эсэсовцам..."

У ворот лагеря нас остановил часовой, приказал развернуть несколько свертков. Убедившись, что в них белье, прорычал: "Шнель, шнель..."

Возле домиков Кондаков, смиренно сняв шапку, раздал немцам выстиранное и отутюженное белье, нагрузил полные носилки грязного, а, проходя мимо одного из заборов, быстро нагнулся и извлек из-под него завернутый в тряпку приклад от винтовки и затвор.

Я испуганно оглянулся.

"Ничего, - сказал Иван Михайлович, - не бойся и не подавай виду..."

Часовой у ворот даже не оглянулся на нас. Одним из тайников заведовал наш лагерный ~~деж~~ Георгий Аранов. Я слышал, как он однажды доложил Кондакову:

"Ребята из цейхауза доставили пять цинков с патронами..."

Георгий Аранов был любимцем всего лагеря. Его полные горя и ненависти стихи заучивались наизусть, распевались на мотивы известных советских песен. Он сочинил стихи и музыку для гимна узников Маутхаузена, в котором призывал не склонять головы перед врагами.

"Наш час придет,

Мы цепи разорвем..." - звучало в одной из строк.

Сейчас Георгий Аранов живет в Москве, работает в одном из институтских музеев. Тогда, в тяжелые дни пребывания в Маутхаузене, судьба свела нас всех вместе в прачечной, сделала ее штабом лагерного подполья.

Кондаков-Копейкин, Шинкаренко, Арапов делали все для того, чтобы облегчить тяжелую судьбу узников, старались поддерживать их морально, а иногда и материально.

Используя широкие связи, Копейкин почти в каждом блоке имел своих людей, которые информировали его о положении в бараках.

Как-то Шинкаренко сказал мне:

"Копейкин просил французских товарищей помочь питанием тринадцатому блоку, где размещались чехи. Там несколько нужных товарищей совсем ослабели и могут угодить в крематорий".

По обыкновению немцы сразу же уничтожали ослабевших, и мы понимали, насколько была велика опасность. Я передал просьбу Кондакова Климо, он поговорил с ребятами, а утром, идя на работу, я принес в прачечную несколько кусочков хлеба. Так мы стали ежедневно понемногу помогать нашим чешским друзьям, пока они не поправились.

Жан Климо работал тоже на постоянной работе, на одном из механических заводов близ Мутхаузена. Там он связался с политическими заключенными испанцами и по заданию Кондакова поддерживал с ними постоянную связь.

Климо ~~показал~~ указал тайник, который находился в прачечной под стиральной машиной. Туда я прятал продукты и изготовленные испанцами и доставленные в лагерь ножи и запасные части оружия.

В 1945 году немцы, чувствуя свое поражение в войне, решили уничтожить лагерь. Для этого в горах

было пробито несколько горизонтальных штолен. Эсэсовцы собирались загнать в них узников и взорвать выходы. Но похоронить узников живыми не удалось. Через своих связанных Кондаков и другие руководители подполья разъяснили узникам замысел немцев и призывали не выходить из лагеря, а затем подняли восстание, обезоружили охрану и дождались прихода войск союзников.?

БЛОКИ СМЕРТИ

Русские военнопленные, в основном офицеры, содержались в ~~18~~ ~~и~~ 20 блоках, именуемых блоками смерти. Кто попадал в эти блоки, был обречен на смерть. Строжайший режим, изощренные издевательства эсэсовцев и их прислужников - блокфюреров и штубовых, систематические убийства ни в чем не повинных людей привели к тому, что в начале февраля 1945 года узники блоков смерти восстали. Восстанием руководили члены подпольного комитета ~~18~~ ~~и~~ 20 блоков.

Однажды ночью нас разбудили выстрелы, раздавшиеся со стороны блоков смерти, а вскоре весь лагерь был освещен яркими огнями прожекторов, загорелись зеленые лампочки на вышках, предупреждавшие часовых, что в колючую проволоку включен ток электричества. До утра никто не уснул.

Утром мы увидели, что немцы усилили охрану. Построения не было и за пределы лагеря на работу никого не повели.

В прачечной Кондаков рассказал мне, что в восстании участвовало около 700 человек. За проволоку выр-

валось большинство из них. Но их почти всех переловили. Лишь ~~2-15~~⁹ узникам удалось уйти.

После обеда в "каменный мешок" стали поступать узники из числа восставших. Их приводили группами по 100-150 человек, раздевали догола, привязывали к кольцам, зацементированным в стене, пытали и тут же расстреливали. В течение 10 дней шла эта жестокая расправа, а однажды на плацу немцы сняли с подошедшей автомашины 15 обезображенных трупов.

После мы узнали, что это были трупы товарищей, прорвавшихся сквозь лагерные заслоны. Вырвавшись из лагеря, они напали на зенитную батарею, обезоружили артиллеристов и направились в сторону чехословацкой границы. Немцы в погоню выслали карателей. Целые сутки шел неравный бой в горах. Палачи дорого заплатили за жизнь каждого из них.

Нам в прачечную привезли в стирку белье погибших в этом бою. Окровавленные рубахи, кольсоны, полосатая форма узников - все было изрешечено пулями и осколками гранат.

В начале 1945 года в Маутхаузене побывало высшее начальство из руководителей рейха. После мы узнали, что приезжал Кальтер-бруннер. Он передал коменданту лагеря директиву Гитлера, чтоб никто из узников не попал в руки союзников, и потребовал "увеличить акции", то есть в Маутхаузене уничтожать не менее 1000 человек в день.

С этого дня еще больше задымили печи крематория.

Прибывающих эшелонами по железной дороге и пароходами по Дунаю узников через "каменный мешок" Маутхаузена и русслагеря гитлеровцы различными способами отправляли в печи.

ГЕНЕРАЛ КАРБЫШЕВ Д.М.

19 февраля 1945 года в Маутхаузен прибыл очередной этап узников около двух тысяч человек из концентрационных лагерей Дахау и Зексенхаузена. Из них эсэсовцы сразу же отобрали человек семьдесят больных и ослабленных, сняли с них верхнюю одежду, обувь, а затем посадили на цепи у каменной плиты.

С утра шел мокрый снег, а к вечеру ударил мороз. Мокрые и продрогшие, они стояли у стены до тех пор, пока не стемнело. Многие из них окоченели и превратились в замерзшие труны. Нам из окна прачечной было видно, как эсэсовцы вместе с уголовниками дубинками добивали еще оставшихся в живых и грузили трупы на подводы.

Когда включили прожекторы, рецидивисты во двор вывели еще одну группу - человек 35-40. Этих стали немцы гонять по плацу и избивать палками. Когда жертва в изнеможении падала, они включали пожарный шланг и обливали ее. Вода моментально замерзала. Особенно они усердствовали над тремя узниками, видимо пытаясь добиться у них какого-то признания, а затем ~~вывели одного из них, приковали к стене и поливали водой до тех пор, пока он не превратился~~ в глыбу льда.

После всего мы узнали, что это был советский генерал Дмитрий Михайлович Карбышев, который в 1941 году, тяжело контуженный, попал в плен. Попытки гитлеровцев склонить на свою сторону этого крупного ученого - военного инженера - остались тщетными. Коммунист-патриот, Герой Советского Союза генерал Карбышев принял мученическую смерть, но остался верен своей Родине. Он погиб как герой. Кондаков, Шинкаренко, Сахаров и другие члены лагерного подполья через своих связанных рассказали узникам лагеря об этой трагической и героической смерти.

ШВЕЙЦАРСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ

В начале апреля 1945 года в Маутхаузен приехали представители Швейцарского Красного Креста. По договоренности с правительством Гитлера они забрали из лагеря 80 человек французов, из числа политзаключенных, для последующей передачи французскому правительству. После отправки первой партии меня вызвал Кондаков. *Зрел*

"У тебя на пикаме нашивка "Ф", что означало француз, надо пытаться и тебе вырваться из лагеря через Швейцарский Красный Крест. Если удастся, расскажешь о нас кому следует".

Кроме меня, Кондаков *Зрел* посоветовал покинуть лагерь через Швейцарский Красный Крест и Роберу Канье, знавшему русский язык.

20 апреля 1945 года Везер немцы построили всех находившихся в лагере французов, бельгийцев и голландцев

цев. Затем стали ^{зывать} выкапывать номера. Я, Робер Канье и еще несколько друзей - французов также попали в этот список и вышли из строя. Нас повели в ^{лагерь} ~~лагерь~~, сняли все лагерное, одели в гражданское тряпье и под конвоем охраны вывели за пределы лагеря на ^{стадион} ~~строительную~~ площадку. Там стояло несколько грузовиков, кузова которых были покрыты брезентовыми тентами с красными крестами.

Нас снова пересчитали, затем к нам обратился швейцарец, одетый в гражданское:

"Никуда не убегайте, не делайте глупостей, - сказал он, - мы вас доставим в Швейцарию, а затем во Францию".

Ночь мы провели на месте, недалеко от лагеря, где пробыли около двух с половиной кошмарных лет. Там, за стеной, остались наши товарищи, и кто знает, останутся ли они живыми. Тревога не покидала нас. "А вдруг это очередная провокация гитлеровцев?" думалось нам. Как-то не верилось в свое освобождение.

Рано утром нам дали по бутерброду с маслом, посадили в машины и повезли по горной дороге в сторону Швейцарии. Днем сделали привал у озера, пообедали, а на ночь лег расположились в небольшой австрийской деревушке, близ Швейцарской границы.

Вдали от лагеря мы впервые по-настоящему почувствовали свободу. Однако нас не покидала тревога: как удастся перебраться через границу. Из разговоров шоферов-швейцарцев - мы поняли, что немцы строго охраняют австро-швейцарскую границу и, чего доброго, не про-

пустят французов.

Утром 23 апреля мы под"ехали к небольшой - в 20 метров ширины - речушке, являвшейся границей между Австрией и Швейцарией. Берега этой речки соединял мост. У одного конца его стояла немецкая, а у другого швейцарская комендатуры.

На австрийской стороне стояла целая вереница различных немецких машин, нагруженных домашним скарбом. Пышные немки, дородные бауэры в окружении чад и домочадцев на все голоса галдели перед комендатурой, требуя пропустить в Швейцарию.

"Бегут... как крысы с тонущего корабля, - сказал Робер Канье. - Видать не надеются на своего бесноватого фюрера..."

Шофер грузовика предупредил:

"Если немцы не будут пропускать нашу колонну, я дам знак. Тогда бросайтесь через реку на ту сторону, а там никто не тронет".

После трех часов стоянки, возле границы, нас высадили из машин и, пересчитав, пропустили через мост. А через полчаса мы прибыли в швейцарский пограничный городок Сент-Валентин.

ПАРИЖ

Два дня мы пробыли в Сент-Валентине. Это небольшой, уютный швейцарский городок. Жители по отношению к нам проявили редкостное госеприимство. Правда, за ворота небольшой усадьбы, где мы размещались, нас не выпускали,

но и не препятствовали жителям навещать нас, приносить продукты. Там всей группе французов вручили временные французские паспорта. Получил такой паспорт и я.

24 апреля 1945 года мы пересекли французскую границу. Весть о том, что в Париж следует поезд с узниками, освобожденными из лагеря смерти Маутхаузена, летела впереди нас. На каждой станции наш поезд, украшенный лозунгами и цветами, встречали жители освобожденной Франции. Они несли к поезду все: продукты, цветы, вино и главное - они вместе с нами радовались освобождению от коричневой нацистской чумы, радовались свободе.

В ночь на 1 мая наш поезд подошел под своды одного из парижских вокзалов. Утром всех привезли к площади Бастилии, где должна состояться демонстрация в честь международного дня солидарности 1 Мая.

Веселые улыбки, песни, жизнерадостные лица простых французов как бы возвращали нас к жизни после почти двух с половиной лет пребывания нас на грани жизни и смерти.

Колонну узников на демонстрации возглавил один из друзей Лана Климо, руководитель группы Сопротивления Робер Канье. Мы шли мимо трибун по площади Бастилии в своих полосатых лагерных шапках/одежду большинство заменили на другую, шапки оставили на память/. Когда колонна узников поровнялась с трибуной, нас остановили. Мощные усиители донесли до нас слова вождя французских коммунистов Мориса Тореза.

"Вот идут те, кто на себе испытал все ужасы

и пытки, которым подвергли их гитлеровцы. Народ Франции сбросил с себя нацистское иго, которое на него надела кучка предателей народа...."

Морис Торез говорил о великой миссии советского народа, которую он несет народам Европы, освобождая ее от немецко-фашистских захватчиков. Он предложил всех прибывших узников Маутхаузена избрать почетными гражданами Франции.

После речи Мориса Тореза нашу колонну пропустили на трибуну, откуда мы смотрели на демонстрацию трудящихся Парижа.

Одна за другой мимо трибун проходили колонны демонстрантов. Прошли рабочие крупнейшего автомобильного завода "Рено", мастеровые Сент-жермена и металлурги Тревиля. Демонстранты несли плакаты, лозунги, призывающие объединиться против войны, к карикатуры на бывших правителей Франции - Петена, Гитлера, Гебельса. Робер Канье к концу демонстрации предложил мне:

"Поедем ко мне в гости. Здесь, недалеко...."

Доми^к Канье располагался на тихой улице Санксуарлимзан. Нас встретила мать Робера, дряхлая старушка, у которой еще не успели высохнуть глаза от неожиданной встречи с сыном. /Канье прямо с поезда умчался домой/

Пришли товарищи Робера, и мы хорошо повеселились. Изяснились друг с другом на половину на русском, на половину на французском языках. Пробыл я у Робера и весь день 2 мая, а 3 вместе с ним отправился в советское посольство в Париже. Сотрудник посольства, занимавшийся

делами перемещенных лиц, выслушал меня, выдал документы на паек и направил в лагерь для перемещенных лиц в Марселе.

Марсель - это второй по величине город Франции крупный морской порт. Однажды мы услышали, что в Марсель прибывает поезд с узниками - испанцами, освобожденными из Маутхаузена. Я побежал на вокзал и встретил там знакомого испанца Педро Костинеса. Педро рассказал о восстании в лагере, о приходе американских войск. К сожалению, он ничего не мог рассказать о Кондакове, Шинкаренко, Аралове и других моих друзьях. Их адреса я узнал совсем недавно. Меня нашел узник Маутхаузена Валентин Сахаров, который пишет книгу о Маутхаузене. Он и дал мне адреса. Я заинтересовался у Педро, чем же он думет теперь заниматься.

"Не знаю, - ответил он, - на родину ехать боюсь... Ведь там Франко... а он ничуть не лучше Гитлера..."

*В 1945 - году был призван в Советскую Армию
ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ*

Возвращаясь на родную землю, я не ожидал ее встретить цветущей, так как на ней побывали фашисты. Все увиденное мной наполнило сердце глубокой скорбью, горем и жгучей ненавистью. Разрушенные города и села, сотни тысяч обездоленных, сирот, скитались по освобожденным от гитлеровцев дорогам. В каждом городе, селе раскрывались тягчайшие преступления, гнусные по замыслу и жестокие по исполнению.

~~Сразу же по возвращении в Советский Союз я был призван в Советскую Армию, а затем с 1948 года рабо-~~

тал на строительстве Волго-Донского судоходного канала имени В.И.Ленина.

Сейчас живу и работаю в городе Калаче, имею семью - шесть синовей. Когда я прочитал в газетах, что боннские власти хотят прекратить преследование нацистов за давностью времени, я подумал: "А вдруг где-нибудь еще гуляет на свободе такой палач, как оберштурбанфюрер СС Бахмайер?" От одной этой мысли меня охватил ужас. Да разве такому может быть прощение? Нет! Я понял, что нельзя молчать. Нужно рассказать людям о той мясорубке, которая у немцев называлась "Маутхаузен".

Пусть преступники не надеются, народы мира не простят. Им не простят сожженные в печах Маутхаузена, Дахау, Бухенвальда, Освинцима зарытые в противотанковых рвах Орши и Вильнюса, им не простят живые Жан Климо, Иван Кондаков, Педро Кастинес и Робер Канье.

Люди будьте бдительны

В. МАЧУЛЬСКИЙ

Берегите Берегите мир.

Апрель 1965 год